

ШКОЛА, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, КОНКУРЕНЦИЯ И ЭСПРОПРИАЦИЯ

Борис Ихлов

Книги В. Резуна «Ледокол» и «Аквариум» стали знамениты исключительно благодаря, казалось бы, необычной оценке II мировой войны. Не принимая сторону Гитлера, автор также находит немало аргументов против поддержки СССР в этой войне. Эти аргументы просты: если бы не Гитлер, Сталин, который якобы готовился к мировой агрессии во имя всемирной революции, мог завоевать и «окоммунистичить» Европу. А это, по мнению Резуна, было бы не лучше фашизма.

Конечно, ни Резун, ни его последователи не задавались вопросом, зачем понадобилось Ленину устанавливать дипломатические отношения с правительствами капиталистических стран... через головы-то компартий. Так что никакой мировой агрессии, никакой мировой революции, а унылое сосуществование.

Однако вряд ли Резун был первооткрывателем - его позиция попросту выражает интересы дипломатии Англии и США военного периода. Можно напомнить также дискуссию в антисоветском Народно-Трудовом Союзе, значительная часть которого приняла для себя решение не выступать на стороне Гитлера.

Для последователей Т. Клиффа (укравшего концепцию госкапитализма в СССР у члена ЦК РКПб, пермского рабочего-оппозиционера Мясникова) в книгах Резуна нет ничего нового: боролись две идентичные по содержанию, различные по идеологической вывеске капиталистические системы, причем со стороны СССР эта война носила освободительный характер, и не было возможности осуществить схему 1917 года (поражения собственного правительства и инициирования революции в Германии).

Тем более, Алексей Исаев уличил Резуна в массе критических ошибок и подтасовок. В связи с этим работы Резуна трудно отнести к разряду исторических. Это чисто пропагандистские книги. Задача Резуна понятна. Но есть дополнительная сквозная тема его книжной серии.

Если отбросить разнообразные доказательства того, что Сталин был готов начать войну, разве что не успел, то видно, насколько значительное место в книгах занимают наставления, как нужно трудиться. До седьмого пота, как будущие чемпионы. Выжимать из себя всё, тогда не ты будешь работать на кого-либо, а **кто-либо будет работать на тебя**, ибо - конкуренция.

Тема конкуренции стала одной из основ новой системы идеологием. Конкуренция - двигатель экономики, с помощью «естественных» законов конкурентного отбора общество избавляется от больных, неполноценных и террористов. В 1980-м Рейган призывает усилить экономическую конкуренцию, которая в то время снизилась до исключительно низкого уровня.

На заре перестройки в телевизионных передачах о театре советские артисты призывают ввести конкуренцию в сфере искусства для того, чтобы избавиться от посредственности. Не миновала тема конкуренции и систему среднего образования. Сегодня акцент делается на специализированное образование, многие школы переведены в разряд элитарных. Чтобы учиться в таких школах, необходимо платить немалые деньги. В постперестроечной прессе высказывалась мысль, что «детей нужно просеивать, как песок, чтобы оставались золотые крупинки» (напр., пермская газета «Звезда», Ольга Штраус, 1992).

Дети для наших доморощенных новоиспеченных из среды КПСС (как Штраус) либералов – песок, отметим.

Поиск вундеркиндов перешел государственные границы. В российском песке все реже попадают золотые крупинки. В придачу к конкурсу детей население столкнулось с конкурсом родителей. К чему же привела конкуренция?

Школы стремительно деградируют. Урезаны программы по физике, математике, русскому языку и литературе. Как высказался на брифинге вице-губернатор по образованию Пермского края Зимин (дело было при Трутнев), «детям в школе нужно давать не знания, а понятия о знаниях». Да, конечно, возразил ему автор этих строк, у нас уже есть вместо фильмов – понятия о фильмах. Вместо мультфильмов – понятия о мультфильмах, вместе живописи – понятия о живописи, и вообще жизнь идет по понятиям. О, о, я сам филолог, отвечив Зимин, я тоже умею заворачивать фразы, но реформа ни привела к ухудшению, наши школьники занимают первые места на международных олимпиадах.

Зимин забыл добавить, что это школьники элитарных школ, как раз эти школы реформа не коснулась, там никакие программы по предметам не урезались, и преподают там стареющие преподаватели советского производства. Учатся там вовсе не «золотые крупинки», ибо в результате отсева удивительным образом остаются лишь дети элитарных родителей. Победители международных олимпиад и не собираются учиться дальше и, тем более, работать в России. Но главное в другом – деградирует подавляющая масса школьников, призванная заполнить ряды квалифицированных рабочих, инженеров, врачей, преподавателей вузов.

«По оценкам Всемирного банка, - отмечает депутат Госдумы, профессор О. Смолин, - доля расходов на образование в валовом внутреннем продукте составляла в СССР в 1970 г. 7%, в России в 1994 г. - 3,4%, т.е. сократилась более чем в 2 раза (на самом деле в 4 раза, поскольку ВВП на душу населения в РФ по сравнению с доперестроечным периодом снизился вдвое, Б.И.)... Сократился выпуск художественной литературы для детей в 1990-94 гг.: по книгам - примерно в 3 раза (с 99,5 млн. до 34,9 млн.), по тиражу газет почти в 20 раз (с 13,3 млн. до 717 тыс.); по разовым тиражам журналов примерно в 6 раз (с 20,2 млн. до 3,6 млн.)» («А-вы», №3 (осень), 1996). Добавим, что сокращение расходов не так страшно, поскольку некуда становится расходовать: школы закрываются, в особенности, в сельской местности.

«Что вы делаете??» - спросил я сотрудницу ОблОНО Любовь Проскурину в тот момент. Когда реформа образования только набирала ход. «Приводим в соответствие с образованием в США», - честно ответила Люба. Нужно себе вообразить! Ведь внутри США производится лишь 20% вещного продукта, это мировой финансовый центр, живущий за счет всего остального мира, в США производство компьютеров, которое скончалось в СССР в виду перестройки. Какое же приведение в соответствие, если Россия никогда не будет такой, как США? А для того, чтобы максимально облегчить переезд в США элитным детушкам. Принеся в жертву всех остальных российских детей. Конкуренция между детьми обернулась конкуренцией между родителями. Но не по каким-то выдающимся способностям, а по толщине кошелька. В результате чего дети богатых родителей легко оттеснили детей бедных родителей.

С американскими образовательными стандартами Россию познакомили в телепередаче Сергея Капицы. Некий профессор, вернувшийся из командировки в США, поведал, к чему приводит тестовая система. Например, школьникам задают тест: на счете было 100 долл., в результате каких-то операций стало 80% первоначальной суммы; сумма стала а) больше, б) меньше, с) осталась прежней? «Сколько же ответили правильно?» - спросил Капица. «Треть», - ответил профессор. «Ну, вот видите, треть знала правильный ответ...» Возникло тягостное впечатление, что реформа образования непостижимым образом коснулась самого Капицы. «Видите ли, - пояснил профессор, - по элементарной теории вероятности есть три равновероятных варианта, если бы хоть кто-то знал правильный ответ, число ответивших «меньше» было бы больше, чем треть...»

Еще пример: американский студент 3-го не может сравнить, что больше, $2/5$ или $3/7$...

Сотрудник пермского политехнического Илья Грузберг решил поступить в аспирантуру в США. Прошел конкурс, благополучно съехал, делится в письме впечатлениями: «На втором году обучения американские аспиранты изучают то же, что в СССР изучали студенты на третьем году обучения...»

Конечно-конечно, во времена Брежнева от учителей можно было услышать «Дарвин был нужен - Дарвин родился», «Цитоплазма обеспечивает связь между ядром и цитоплазмой», или встретить математика, не знающего неравенств и т.п. Университет посылал не сдавших сессию физиков преподавать в течение года в сельских школах зоологию и историю, которые до них преподавали окончившие десятилетку. Одного физика, который вместе с физикой, историей и физкультурой преподавал зоологию, проверила комиссия. Отстранили от зоологии: «В глистах Вы сильны, спору нет, но в остальном...» Всего за год до перестройки от абитуриентов, поступающих на физфак ПГУ, вполне можно услышать: «Резерфорд брал ядра атомов и складывал их в цинковый стакан». «Бойль, не сговариваясь с Мариоттом...» и т.п. Для абитуриентов пермского сельхозинститута нередко можно было услышать, что давление измеряется термометром, и т.д.

Что ж... Как и вчера, рабочие-вечерники не стесняются складывать километры с рублями. Однако, разумеется, такая рекордная, восхитительная безграмотность, какой добились демократические власти, в СССР никогда и не снилась. В ходе реформ поначалу резко сократились наборы в вузы. Деградация школы стала одной из причин деградации вуза. Сегодня студентам преподают те, кто после вуза

никогда не работал и не работает по специальности. Например, в ПГУ (ныне ПГНИУ) дифференциальные уравнения физикам читал «девственно чистый» перед физикой И. Муратов, приверженец Немцова и Хакамады, ставший преподавателем по блату. Студенты стонали... теперь стонут студенты журфака, куда перевелся Муратов.

Без диплома не получить начальственной должности, и настал беспредел. Невообразимо возросло число вузов, в первую очередь, финансовых. Известна величина взятки для поступления в любой вуз страны. Дипломы тоже получают за деньги. В пермском политехническом студент повесился из-за того, что у него не было денег дать взятку, чтобы допустили к сдаче зачета.

На столбах красуются телефоны с зазывным: «Рефераты, курсовые, дипломы». Никакой закон не помеха. При тотальной нищете научные сотрудники советского закала штампуют даже диссертации - новому начальству.

Конечно-конечно, и раньше начальство творило диссертации руками подчиненных. Так, зав. лаборатории лесоведения ЕНИ ПГУ (ПГНИУ) Прокопьеву диссертацию «исправлял» его подчиненный Запоров, рассказывал, что на каждой странице – по двадцать ошибок. Глава экологического фонда при администрации Пермской области Гельфенбуйм умудрился защитить диссертацию следующего содержания: в Чернятьевском лесу, расположенном на территории Перми, нужно прорубать просеки по розе ветров, чтобы ветер выдувал загрязненный воздух... Глава пермского ГУВД Сикерин (позже пойманный вместе с Юрием Трутневым на финансовых махинациях) откатал такую диссертацию: «Изменение веса портянки в зависимости от климата». Все студенты юрфака в очередь выстраивались, чтобы переснять этот шедевр, в связи с чем диссертацию засекретили.

Однако почти стопроцентного размаха производство фальшивых диссертаций достигло лишь благодаря реформам. Доллары делают свое дело: ВАК, несмотря на громкие разоблачения, пропускает диссертации, состряпанные по материалам интернета.

Квалифицированные преподаватели с утра до вечера читают лекции и консультируют за дополнительную плату. Им уже не до науки. На ряде факультетов университетов ввели дополнительные платные занятия, чтобы довести уровень школьного образования до того уровня, чтобы студенты 1-го курса могли хоть что-то понять на лекциях.

Хуже всего, что промышленность разрушена, в ее останках - **знания в процессе производства не востребованы**, а востребован диплом для ухода с места рабочего на должность начальника. Кроме студентов, стонут старые начальники цехов, от наплыва армады безграмотных дипломированных шалопаев. И окончательно хуже, когда столоначальник – не по специальности политехнического, а с финансовым дипломом. Руководители заводов вынуждены отрываться от работы вузовских научных сотрудников советского стандарта.

Но самый смак в современной системе образования – пенсионная система и доступ к бюджету. Как известно, правительство РФ не придумало ничего лучше, чтобы ухайдакать производство, чем установить госслужащим исключительно высокую пенсию, почти 100% от дохода. И дополнительный своеобразный доход. Так, когда одного студента пермской Академии управления спросили, почему он выбрал такую специальность, что влекло его, студент честно ответил: «Хочу пилить бюджет.»

Можно смело утверждать, что структура российской интеллигенции изменилась радикально.

Одним из нововведений стали оценки, выставляемые учениками учителям. Однако, как говорилось выше, знания не нужны, учеба в школе и вузе уже оплачена, и ни один руководитель не откажется от денег. Причем именно руководитель, спонсорские деньги до непосредственных преподавателей не доходят. Одним из источников деградации школы является остановка предприятий и безработица. Дети, либо следуя телепередачам о западном благосостоянии, покидают школу во имя рыночной романтики, либо уходят в криминал (что почти одно и то же), либо вынуждены зарабатывать для пропитания семьи. С последующим прессом со стороны системы, которая делает из детей пожизненных должников, боящихся за свою жизнь и жизнь родителей.

«Ум, любя простор, теснит», - сказал Пушкин и был вытеснен с литературного рынка патристическим Булганиным. Конкурс - это армия безработных, жарко дышащих в затылок работающим. «Допустим, - пишет Джон Стейнбек, - ты предлагаешь работу, а охотник на нее найдется только один. Значит, сколько ты не попросишь, столько ты и дашь. Теперь предположим, что

охотников не один, а сотня... Предположим, у них есть дети, и дети сидят голодные. На каких-нибудь десять центов их можно накормить маисовой кашей. ... А народу набежала целая сотня. Предложи им такой заработок, да они из-за него глотки друг другу перервут.» («Гроздь гнева»). Попытка растряссти равнодушное даже к деньгам российское болото окончилась неудачей. И российские, и зарубежные социологические исследования, отмечают экономисты Влдова и Рабкина, говорят о том, что увеличение резервной армии труда, «перевод из скрытой безработицы в явную», как сформулировал задачу собственного правительства Гайдар, вовсе не приводят к повышению производительности труда из-за конкуренции. Можно до бесконечности «прививать сознание» героя, «лидера», который смог, сумел, один против всех и т.д., но на практике и у нас, и «у них» результат один - атрофия интереса к труду. Есть системная причина: если тебя столкнули с круга, труднее на него вернуться, нежели тем, кто на круге, там остаться. Россию после доперестроечной атрофии к ближнему своему постигла беспрецедентная, обескураживающая атрофия к жизни.

Разумеется, конкуренция существовала и в советской системе. О ней так красочно пишет тот же В. Резун. Между ГРУ и КГБ, между конструкторскими бюро. Так в конкуренции гибли выдающиеся проекты. Так создавались великие летчики: «если ты не рвешь жилы», то ты сгодишься лишь на то, чтобы кого-нибудь «прикрывать», и в ближайшем бою будешь сбит. Если ты активен - уже тебя будут прикрывать, «на тебя будут работать». То есть, выполнять черновой отупляющий труд. Конкуренция за работу на современном станке. За получение жилья. Между сдельщиками и повременщиками. Конкуренция между городом и деревней, в которой более организованный и богатый город довел деревню до ручки.

Специализация школ давала значительное преимущество при поступлении в вузы, причем для того, чтобы ребенок учился в языковой школе, родителям необходимо было пройти тест на состоятельность и «неханжеское» отношение к подаркам для дирекции. Существовали и «более специализированные» школы – для детей чиновников, номенклатуры, детей академиков и т.д. Детей, заранее обреченных быть вундеркиндами. Сегодня элитарное образование легализовано. Николай Смоленский, сын главы банка «Столичный», отучился в Кембридже, Алексей Чубайс - в Высшей школе экономики, Владимир Кириенко - в лицее информационных технологий. Внук скульптора, Василий Церетели - окончил школу ООН и поступил в школу изящных искусств в Нью-Йорке, дочь олигарха Лиза Березовская - выпускница Кембриджа, внук Ельцина, Борис Ельцин перевелся в Винчестерский колледж, затем окончил Оксфорд. Жанна Немцова, Ваня Потанин, Надя Михалкова (дочь режиссера), внуки Горбачева и Черномырдина отучились в знаменитой московской школе N1239, куда без специального пропуска не могут попасть даже родители («Профиль», N24(104), 1998). Вспоминается перестроечных времен шутка: перестройка - это когда дети наших начальников становятся начальниками наших детей, а ускорение - когда дети наших начальников становятся нашими начальниками. Элите общества, - пишет Бакунин, - для сохранения своего положения достаточно одной привилегии - образования («Наука и народ», в кн. «Философия, социология, политика», М., «Правда», 1989).

Так получают великие актеры, на которых работают армады обслуживающего персонала. А мы думаем, что это искусство. Больше внимания будущим чемпионам - детям с исключительными способностями! Вспомним, как Резун описывает усилия, необходимые для рекорда. Будущее чемпионов известно - как правило, инфаркт, о чем Резун, естественно, умалчивает.

Чем ближе к центру, тем сильнее конкуренция. На кафедре теоретической физики МГУ два соперничающих научных сотрудника не желают показывать друг другу даже ссылки на литературу. Воровство диссертаций, статей, результатов. Если кто-либо получает звание кандидата наук, на него начинает работать обслуживающий персонал из студентов и аспирантов. В любой сфере при конкуренции в науке **внимание обращено не на предмет труда, а на соседа**. Результат - деградация науки.

В то же время ориентация на предмет постоянно подавлялась и подавляется. Невозможно написать работу, противоречащую скорой диссертации начальника лаборатории. Если рабочий желает внедрить изобретение, то первое, с чем он сталкивается (и раньше, и теперь), это присвоение твоей идеи начальником. Далее предполагается повышение производительности труда после внедрения. Однако вступает в силу технологический шпионаж, изобретение «размножается», и работодатель по

законам рынка вынужден снизить цены на продукцию до прежней. Что касается рабочего, то стоимость его рабочей силы определяется не возросшим количеством деталей, а тем же самым рабочим временем, то есть, не изменяется (под стоимостью рабочей силы следует понимать не только зарплату, но и условия труда, статус в системе управления и пр., что входит в его систему ценностей). Следовательно, рыночная конкуренция, как и соцсоревнование, не изменяет положения рабочего, разве что его фотографию помещают на доске почета.

Допустим, что внедряется новая технология, которой обучают рабочих. Стоимость квалифицированной рабочей силы выше, следовательно, платить должны больше (см. книгу Ю. Радостева). История СССР показывает, что закон стоимости в отношении такого товара, как рабочая сила, прекрасно работает в командно-административной системе: производительность и качество повышаются, но администрация, выполняя за рынок его работу, срезает расценки. После чего рабочие начинают «отлынивать», крушить новые станки или снижать качество, возвращая продукции ее первоначальную стоимость. В целом изобретение в СССР затухает на 3% предприятий, в США внедряется лишь 10% изобретений. Таким образом, конкуренция тормозит прогресс.

Призыв Рональда Рейгана, который начинающие реформаторы взяли на вооружение, как оказалось, вовсе не был обращен к крупным финансово-промышленным структурам. Зарубежные средства массовой информации в 1993 г. с удивлением отметили, что антимонопольное законодательство в США действует не лучше морального кодекса строителя коммунизма. Общества потребителей (консьюмеристов) выяснили, что монополии всегда готовы договориться друг с другом о цене на продукцию и рабочую силу. Не дай бог продать продукт по демпинговым ценам или дорого купить рабочих во избежание автомата Калашникова в кабинете продавца. Смешной брифинг был однажды у пермской администрации, выступал вице-губернатор Аркадий Кац. В регионе, заявил Кац, нужно устроить конкуренцию между нефтедобывающими компаниями, тем самым цена на бензин будет понижена. Сидевшие в зале журналисты ухмыльнулись: рынок давным-давно поделен, никто никому не позволит никакую конкуренцию...

Призыв усилить конкуренцию обращен в первую очередь к рабочим, чтобы не дай бог не состоялась их солидарность.

Однако конкуренция существует не только как идеологема, к кому бы она обращена ни была. Как бы ни договаривались между собой предприниматели против рабочих, уговорить их не перегрызть глотки друг другу в ситуации, далекой от рабочих волнений, невозможно. Например, в советское время один из высокопоставленных пермских ученых, член-кор Кирко, расправился со своим свердловским конкурентом таким образом: приказал распилить уникальную установку, привезенную из Свердловска. Что говорить о рабочих.

Рассмотрим общий случай. Известна одна из основных причин, приведших экономику СССР к ситуации, когда легко возможен распада: сосредоточение управления «всем» в Москве плюс встречные перевозки или высокие издержки при перевозках вследствие нерационального размещения предприятий. Как возникают эти издержки? Допустим, даны фирмы А и В, производящие одну и ту же продукцию, и фирма С, ее потребитель. Между фирмами В и С расстояние 10 км, между фирмами В, С и фирмой А расстояние 1000 км. Что будет делать фирма А, чтобы не прогореть? Ответ: она скупит у фирмы В продукцию, фирма С будет вынуждена покупать ее только у фирмы А, и издержки, вследствие встречных перевозок возрастут с 10 км до 2000 км. Вам напомнить, как конкретно это происходило? Напомнить, как за краснокамской тушенкой, производимой в двух часах езды от Перми, пермякам приходилось ехать в Москву или Ленинград? Нужно ли говорить, что ситуация не зависит от того, какая вывеска на государстве: СССР или США. Таким образом, конкуренция является источником издержек производства и тормозом развития экономики.

Есть версия, что догматы нацизма, исламского, иудейского фундаментализма, расизма, джингоизма уходят в небытие. Согласно современной научной концепции популяционной генетики геномы активности превалируют только у 10% населения планеты, причем эти проценты, как обнаружили изумленные исследователи, сосредоточены, в основном, в США. А здесь, в России - своя популяционная генетика. Некоторые быстро перестроившиеся журналисты всерьез полагают, что рабочими становятся потому, что ленятся в школе (Пермь, И. Колущинская, 1988). И так все 80

миллионов рабочих в СССР. Для них общество вынуждено специально построить множество заводов, «чтобы не бродили по улицам».

Как выяснили консьюмеристы, финансовые магнаты в своем кругу не читают научных трудов. Они не собираются следовать антимонопольному законодательству и конкурировать друг с другом, и относительно цен на продукцию, и на цену рабочей силы. «Научные» труды читают для всего остального мира разнообразные политики. А в японских средних школах, кроме «общепонского» патриотизма, культивируют «фирменный» патриотизм: работники одного предприятия должны поддерживать друг друга, а не конкурировать. Хотя и здесь присутствует тенденция разобщить рабочих - путем так называемых «кружков качества», что-то вроде соцсоревнования, а солидарность рабочих подменить, как и в СССР, абстрактным патриотизмом, служением высшему. На одном из совместных российско-японских предприятий директор завода попытался заставить российских рабочих петь перед началом работы гимн предприятия на японском языке. Рабочие разбежались...

Действительно, гены от «особи» к «особи» варьируются. По наследству передаются не только цвет глаз или волос, но и способности. Даже у собак наследуются стереотипы, причем не только статические, но даже динамические. Что говорить о людях. Оказавшийся для своего времени исключительно демократичным тезис Надежды Крупской, что душа ребенка – *tabula rasa* (чистая доска), на которой можно написать, что угодно – хоть и сослужил праведную службу, но оказался неверным.

Давний это разговор: философ Гассенди противостоял канону клерикальной философии о врожденных знаниях, идущему еще от Платона; и это было прогрессивным шагом в то время. Уже в 70-е годы XX века Ноам Хомский, указывая на научные открытия, заявил, что нужно вернуться к версии врожденных знаний.

Всё так, но из этого можно делать **разные выводы**. «Для евреев, алкоголиков и прочих неполноценных – печи», - предлагал Гиммлер (а до него – шведы). Между тем в Восточной Германии акцент был сделан именно на массовом спорте - и как эта маленькая страна конкурировала с огромным СССР! Во многих советских спортшколах учеба строилась на принципе: больше внимания слабым. В результате дети с менее развитыми способностями часто достигали больших успехов, нежели способные.

Действительно, люди рождаются с разными способностями. Допустим, двое рабочих, один сильный, другой слабый, работают вместе в бригаде и грузят кирпич. Сильный, разумеется, погрузит больше. Как будем платить? По конечному продукту? Тогда слабый получит меньше, а поскольку он, скажем, выкладывался полностью, как и сильный, восстановить свою рабочую силу окажется не в состоянии. Производство остановится. Платить будем по живому труду, то есть, уравнилельно. Уравниловка есть завоевание кооперации, которая возникла на заре капитализма для снижения издержек производства. Такого типа ликвидация конкуренции дает больше шансов слабым в сфере физического труда и приводит к повышению производительности труда в целом. Так отношения частной собственности ограничивают в данном случае талант силы.

Итак, ликвидация конкуренции приводит к снижению издержек производства на этапе возникновения капитализма и снижает издержки на этапе возникновения монополистического капитализма. Это понимает любой японский или американский монополист, ограничивая конкуренцию в собственном промышленном хозяйстве. В то же время он не в состоянии полностью устранить все проявления неумолимого закона стоимости. Те монополии, которые имеют норму прибыли, меньшую, чем средняя, выбрасываются с круга. Таким образом, сконцентрированный банковский капитал подавил в начале века мелкие банки. Действительно - никто с этим не спорит - более качественный товар является более конкурентоспособным и оттесняет менее качественный. Речь идет лишь о том, что на разных этапах развития экономики конкуренция играет различную роль, а сегодня ее негативные стороны очевидны.

Следовательно, шагом в ограничении конкуренции должна стать ее ликвидация между монополиями в национальном, а далее - в международном масштабе. Населению же предлагают образ «честной» конкуренции, которая обеспечивает качество помимо закона стоимости. В основе этой конкуренции лежит биологический естественный отбор, уничтожающий слабых и дающий преимущества сильным. Никакой трагедии выброшенных с круга нет, потому что это «естественный» закон, и по-другому быть не может.

Но ведь тогда и Сталин, и Гитлер - естественный закон, и по поводу Октябрьской революции тоже нечего возмущаться... История экономической конкуренции служит убедительным доказательством тому, что общество имеет качественное отличие от животного мира хотя бы в том, что в нем нет законов, независимых от человека. Ограничивая «за спиной у всего общества» действие закона стоимости, устраняя конкуренцию для себя, монополист использует все средства для насаждения конкуренции среди других. «Когда рабочие, - констатирует Маркс, - открывают, что степень интенсивности конкуренции между ними самими всецело зависит от давления относительного перенаселения; когда они ввиду этого стараются уничтожить или смягчить разрушительные для их класса следствия этого естественного закона капиталистического производства, - тогда капитал и его сикофант, экономист, поднимают вопль о нарушении «вечного», ... «священного» закона спроса и предложения. Всякая связь между занятыми и незанятыми нарушает «чистую» игру этого закона. А с другой стороны, поскольку неприятные обстоятельства, например, положение в колониях, препятствуют созданию промышленной резервной армии, а вместе с нею и абсолютной зависимости рабочего класса от класса капиталистов, то капитал... восстает против «священного» закона спроса и предложения и старается помешать его действию посредством принудительных мер.» («Капитал», т.1, с.655, М., Издательство политической литературы, 1969).

Если же труд творческий, то конкуренция означает сравнение произведенных товаров на рынке. Разумеется, каждый шедевр в существующей системе имеет цену в деньгах, поскольку на любых общественных явлениях лежит печать частной собственности. Но вряд ли кому-то придет в голову сравнивать «товар» Пастернака с «товаром» Цветаевой. Они несравнимы, потому что уникальны.

Что касается надбавок за квалификацию, то это, во-первых, покупка социального спокойствия за счет пассивности части квалифицированных, для разделения трудящихся, а также чтобы не требовали другого по содержанию труда – творческого (по аналогии с тем, как американские рабочие в конце 60-х потребовали ликвидировать конвейерную обезличку).

Напомним, во-вторых, что замена технологий даже в Западной Германии привела к выдворению за проходные именно квалифицированных рабочих. Нельзя же допустить, чтобы работодатель зависел от «золотых рук»! В-третьих, - и это главное - все тот же закон стоимости обязывает куплю-продажу товаров по стоимости, а частности, покупку той рабочей силы, которая занята абстрактным (усредненным, одинаковым, однообразным) общественно необходимым трудом. Если вложены деньги за обучение и на получение квалификации (а также в библиотеки, в книги, журналы и т.д.), то стоимость рабочей силы возрастает. Если за нее заплатят меньше, то рабочий будет работать по старой квалификации, некачественно, и, соответственно, прибыль упадет. «Хороший» капиталист, пишет Маркс, всегда готов прилично обеспечить рабочего. Для конкурентоспособности продукции.

Но - еще раз: к кому обращена идеологема конкуренции? К рабочим, но не к людям более свободного (творческого) труда, не к общественной элите. В одной из передач «Сегоднячко» ведущий Лев Новоженев, перечисляя выдающихся музыкантов, Бетховена и т.д., в своей обычной манере безапелляционного произнесения сентенций сидящего в теплой ванне, проговаривает: «Это дар божий, не каждому дано, да и не нужно это, чтобы каждому...» Приглашенная похвалить телевидение артистка Мирошниченко сдавленно пытается возразить: «Как... не нужно?!...», но ее тут же прерывают.

Как видим, элита не желает расширения своего социального слоя, конкуренции в собственной среде. Она не хочет, чтобы рабочий класс исчезал бы вместе со всеми социальными различиями, то есть, чтобы труд рабочего становился интересным, творческим, вытесняя тем самым получивших дворянские степени и звания и лишая «пожизненной культурной ренты» (О. Мандельштам). Речь идет именно о подобии интеллигенции, о тех, кто занял теплое место в Москве при науке или искусстве. Кто выдает себя за ученых или артистов. Потому что настоящий художник не допустит брака и не станет убеждать публику, как в 1982-м артист Ларионов убеждал студентов и аспирантов МГУ: «Настоящее искусство должно быть хорошо оплачено». В том же убеждал Марк Тайманов, рассказывая о Фишере: «Сколько должен получать гений? Бог мой, да сколько захочет...»

Творческому мышлению нужно необходимое, которого, как правило, лишают и у нас, и «у них»... Например, лучшее контральто мира Лина Мкртчян репетировала в подвале. Не лишают только так называемую элиту, которая не искусство и не наука, а около, которая всегда готова сплясать по заказу.

А ей хочется всё больше, больше! Необходимое, и не больше, ибо, как пишет Борис Пильняк, у творческого человека «меньше фанаберских интересов, у него другие интересы» («Красное дерево»). Вещное богатство, пишет Достоевский, не расширяет, оно сужает духовный мир («Идиот»).

Есть мнение, что отсутствие конкуренции приводит к отсутствию «стимула» (палки, в переводе с греческого) - к просиживанию на рабочем месте и некачественной продукции. Однако в этом нужно винить систему кооперации, усреднения, являющуюся частью системы отношений частной собственности. То есть, однообразный, отупляющий, «обезличивающий», как пишет Маркс, труд. Например, на таком современном предприятии, как «Ситроен», рабочие рады остановкам конвейера и даже квалифицированные рабочие всегда готовы «отлынивать». Не потому, что по природе ленивы, а просто не ценят себя дешевле денег: ведь только творческому человеку работа в радость. Кого же может вдохновить двадцатилетний однообразный труд? Неужели призывы Рейгана или устройство «соцсоревнования»?

Что касается интеллектуального труда, то, например, в компьютерном бизнесе разрешены ошибки (брак), подчас фирма не несет за них ответственности. Поэтому в результате конкуренции допускается масса ошибок из-за спешки, в первую очередь теми, у кого много денег - фирмой Билла Гейтса... То есть, для настоящего ученого конкуренция с себе подобными - не просто разобщающий фактор, а толчок к производству некачественной продукции. Таким образом, для ученого или художника - если они действительно таковыми являются - отношения частной собственности являются неприемлемыми...

Что значит - отношения частной собственности? Рыночный обмен продукцией вследствие общественного разделения труда на умственный и физический, в частности. Следовательно, коренной интерес рабочего класса - уничтожение рабочего класса для освобождения труда, перевода его в творческий, есть интерес интеллигенции. Как выразился Маркс, «все слои общества должны осознать интерес рабочего класса как собственный». «Вымрет пролетариат», - дополняет Б. Пильняк, - потому что современные машины требуют не физической силы, а образования (там же).

Каковы же тенденции?

Приведем таблицу среднего количества лет обучения в ряде стран мира до распада СССР (поскольку после распада тенденция на определенный период резко изменилась, в развитых странах были урезаны образовательные программы, расширена сфера платного образования и т.д.).

Страна/год	СССР	Мексика	Чили	Бразилия	Аргентина	Тайвань	Юж. Корея	Индия	Китай	США	Англия	Япония	Германия	Франция
1950	4.10	2.60	6.09	2.05	4.80	3.52	3.36	1.35	2.20	11.27	11.84	9.11	10.40	9.58
1973	8.30	5.22	7.98	3.77	7.04	7.35	6.82	2.60	3.97	14.05	12.09	12.09	11.55	11.59
1984	11.50	7.09	9.83	5.55	9.28	12.61	11.39	3.92	5.69	16.18	13.14	13.56	11.86	13.65

(Angus Maddison, «The World Economy In The 20th Century», Development Centre Studies OECD, Paris, 1989)

Разумеется, нужно также учитывать качество обучения, которое, например, в СССР выше, нежели в США, или чем 12-летнее школьное образование в Аргентине. Но не очевидна ли зависимость между ростом уровня развития производства и ростом образования? Стоит сравнить данные таблицы с данными величин валового внутреннего продукта на душу населения в перечисленных странах, чтобы убедиться в этом - с ростом образования растет ВВП. Заметим лишь, что сегодня речь идет о получении всеобщего высшего образования (в СССР высшее образование имели 11%-15% рабочих,

занятых физическим трудом). Как говорится, факт налицо. Близится, близится последний час капиталистического мира, тогда пышным цветом расцветет красное дерево!

Пока же занятые интеллектуальным трудом не устают говорить о деградации вуза. Однако то, что происходит в «независимых», «надклассовых» науке или искусстве, оказалось в сильнейшей степени подчинено тому, что происходит на заводе. И если не устали говорить о себе, значит, еще не вызрело в обществе то, чтобы интеллигенция кожей (первой, как полагал Ленин) почувствовала унижение рабочего обезличивающим трудом... Искусство хорошо, сыто прижилось при либералах – тем самым перестало быть искусством.

Не вызрела еще и потребность рабочего в творческом труде. Пока удовлетворяет «достойная» оплата. Хотя **угнетает сама обезличивающая работа, а не низкая оплата за нее**. То есть, различие между умственным и физическим (точнее, между доминирующим абстрактным и конкретным, в терминах Маркса) трудом еще не развито до противоречия. Иначе бы рабочие бастовали при невыплате зарплаты учителям или преподавателям вузов.

«Уровень развития капитализма определяется тем, - пишет Маркс, - насколько наука стала производительной силой.» До брежневских времен высшее образование, как уже указывалось, не было востребовано процессом производства. Значит, капитализм еще недостаточно развился, чтобы перейти к новым производственным отношениям. Потому и Октябрь потерпел поражение, что для контроля на госчиновником, для того, чтобы знать, что делать с властью, для овладения отношениями частной собственности, чтобы иметь возможность преодолеть ее, отсутствовало это условие, отражающее уровень развития капитализма - образование. То есть, речь вовсе не идет о том, чтобы ликвидировать элитарные школы. А о том, чтобы элитарное образование было доступно всем. Оказывается, это экономически выгодно - уверяю, что Форд не от хорошей жизни устраивает для своих рабочих университетское образование. Во Франции в 1995-м проходят мощные демонстрации против перераспределения средств из государственных школ в частные. В Ливане в декабре 1996-го Партия Труда требует хлеба и образования. В Канаде профсоюзы борются за универсальное образование для рабочих против узкоспециализированного.

Как видим, элита общества вовсе не заинтересована в трате денег на обучение рабочих и их детей. С другой стороны, развал непомерно раздувшихся аппаратов управления монополий, снижение качества продукции из-за отлынивания от скучной работы, снижение производительности труда из-за того, что, например, поломка в одном звене конвейера останавливает весь производственный процесс, показывает, что наступит момент, когда дробление труда, упрощение операций, т.е. быстрое и недорогое обучение, станет тормозом развития производительных сил.

Тогда и только тогда пойдет речь о перераспределении средств для обучения (ни для чего другого – «другим» собственники с удовольствием одарят с барского плеча, для «обеспечения благосостояния», точнее, чтобы не возмущались), только тогда встанет вопрос об использовании властных рычагов для этого перераспределения. Из фондов развития предприятий, городских, областных и государственных бюджетов. Встанет вопрос об управлении производством «в интересах рабочего класса», т.е. для замены содержания труда на творческий. Только тогда пробьет час капиталистической интеллектуальной собственности!

Вот тогда-то жирных котов попотрошат от души. Встанет вопрос и об использовании жирных котов в народном хозяйстве. Поверьте, им найдется масса применений – от медицины, добычи урановой руды и освоения северных территорий до расширения рыбного хозяйства.

А до того - что получается? Высокотехнологичные разработки не могут найти применения в отсталом производстве. Скорость каравана по-прежнему определяется скоростью последнего корабля. Каждый день во всем мире у сотен миллионов детей утрачиваются способности, гибнет интеллект, в душе у сотен миллионов детей умирает Моцарт. Потому что общество «равных возможностей» - это общество «равенства» богатых и бедных.

Пермь, октябрь 1997, февраль 2013